

Когда первенство - не теорема, а аксиома. Юбилейное эссе о методологах

(сокращенная версия юбилейного посвящения из сборника «Петр Щедровицкий и его друзья. Портреты словами», М. 2008)

Первое ощущение от первого знакомства с Петром Щедровицким я помню прекрасно: «Ну и наглец!». Помню и вторую свою мысль: «Но, наверное, основания имеет...» Через всю историю общения с Петром это двойственное отношение так и проходит.

Увидел я его на семинарах Георгия Петровича Щедровицкого 1983-84 годов в Институте общей и педагогической психологии, и тогда меня потрясло - даже шокировало – то, что Петр постоянно с отцом спорил. Наглость, думал я, какая наглость! Надо сказать, что сам я человек с постоянным, если можно так выразиться, «комплексом неопита». Входя в новую для себя профессиональную или предметную область, не имея «профильного» образования, я всегда несколько комплекую и испытываю пиетет перед корифеями.

А Петр, как я понял, такого качества был лишен напрочь. Он, похоже, воспитывался в среде, где в людях больше всего ценили именно свободу выражения своих идей и ни каких авторитетов не признавали (возможно, исключение делалось для древних греков ☺). В этом смысле он и сейчас абсолютно такой же, как четверть века назад. Он – сам по себе, авторитеты для него «не роскошь, а средство передвижения».

Однако вот что важно. Есть люди (у меня есть несколько таких знакомых), которые «по рождению – начальники», и иначе вести себя просто не могут. Есть и те, которые пытаются строить начальнический вид и бесконечно доказывают, что они умнее, главнее, выше других. Первое выглядит естественно, второе – убого, к первому быстро привыкаешь и в дальнейшем просто не замечаешь, второе – раздражает. Так вот Петр из тех, для кого собственное первенство – не теорема, а аксиома, поэтому и доказывать тут нечего. Он впереди, вот и все. Никаких сомнений. Я часто бываю с ним не согласен в принципиальных вопросах. Но часто, как раньше, думаю – «наверное, имеет все-таки основания...».

По правде говоря, и к самой так называемой «методологии» у меня тоже отношение двойственное. Постараюсь объяснить.

В 1987 году (именно тогда мы с Петром познакомились уже лично) произошло событие, которое существенным образом повлияло на мою дальнейшую жизнь – Первый конкурс игротехников в Наро-Фоминске. Я как раз переживал «второй переходный возраст» и, по сути, стоял на перепутье. После окончания МФТИ, как и положено настоящему «физтеху», 6 лет отработал в «почтовом ящике». Но ВПК разваливался на глазах, наша последняя разработка, в которую была вложена уйма сил и старания, оказалась никому не нужна. Фактически «от нечего делать» я в соответствии с объявленной Перестройкой устроил небольшую революцию на комсомольском поприще (первые молодежные кафе, компьютерный клуб, альтернативные выборы и пр.), получил «по шапке» и сильно во всем разочаровался. Собрался уходить из специальности и поступать в социологическую аспирантуру. Тем более, что все эти годы после института занимался в любительском кружке по социальному прогнозированию у Бестужева-Лады. Было мне тогда без малого 30 лет – самый подходящий возраст, чтобы честно и окончательно определиться, кто же ты на самом деле есть и чем должен в жизни заниматься.

И тут очень вовремя на глаза мне попадает объявление в «Московском комсомольце» с приглашением на какой-то странный конкурс, смысл которого, надо сказать, представлялся весьма туманным: кого-то из нас собирались готовить, то ли «операторов социокультурных процессов», то ли «прикладных демиургов», то ли «прогрессоров» каких-то, не ясно, но очень привлекательно для человека, находящегося в состоянии личностного кризиса. В общем, заявление я подал. Из 300 человек отобрали 20, и меня в

их числе (думаю, скорее по критериям «общей образованности и культуры», потому что способности к игротехнике оценить вообще невозможно).

Именно на этой игре-конкурсе и случился очень важный для меня «момент истины».

Вели игру Петр Щедровицкий и Сергей Попов. Вообще вся команда ведущих была на редкость интересной: руководили группами Тимофей Сергейцев, Александр Павлов, Марина Щедровицкая, Олег Алексеев. Мы, 20 участников-претендентов, слушали соответствующие лекции (Георгий Петрович тоже приезжал их читать), что-то делали сами, получали каждый день задания и оценки. До четвертого дня – а вся игра шла 6 дней – я по этим оценкам лидировал. И очень надеялся, что в числе троих самых успешных конкурсантов меня отберут в будущую Школу игротехников.

А на по окончании четвертого дня руководители этого конкурса (правда, без Петра Щедровицкого) решили пойти попариться в баню и позвали меня с собой (очевидно, что не по причине моего лидерства, а потому что был я постарше остальных конкурсантов и только по этому возрастному признаку оказался ближе к «руководству», да и баню очень любил). И вот сидим мы с Сергеем Поповым на верхней полке, греемся, а внизу горюет Олег Алексеев. Вспоминает только что проведенную оргдеятельностную игру на Байкале и повторяет – нет, нельзя так поступать с людьми, нельзя их так ломать (а без этого, похоже, ни одна ОДИ не обходится – «проблематизация» предполагает довольно серьезную психологическую ломку человека, после которой, как полагается, он освобождается от стереотипов и начинает что-то «соображать»). Олегу Борисовичу, человеку мягкому и интеллигентному, это было как-то поперек души. А Попов со своей полки ему отвечает – так им и надо, вправили людям мозги и дальше будем вправлять, нечего сопли распускать!

Тут меня и «пробило». Я до предела четко осознал, что если в этом конкурсе смогу победить, то сделают из меня профессионального циника без страха и упрека, и буду я чужие мозги «правлять». А я этого делать не хочу. Я хочу их (людей и «мозги») не править, а изучать такими, какие они есть.

На следующее утро я снял свою кандидатуру с конкурса, соответствующим образом объяснив причины. Восприняли это подчеркнуто спокойно, как методологам и полагалось. А я именно тогда окончательно решил, что буду поступать в аспирантуру по социологии и учиться новой профессии – именно той, по которой работаю и сейчас.

Со многими игротехниками, методологами и вообще членами Ме-сообщества (в том числе участниками и победителями того конкурса), я тем не менее до сих пор приятельствую, с большим интересом хотя и не часто участвую в каких-то мероприятиях, нас и сейчас время от времени сводят разные совместные проекты. Вообще, Методологическое Сообщество очень привлекательно в человеческом смысле, мало где можно встретить такую высокую концентрацию умных, содержательно богатых и интеллектуально творческих людей.

Вместе с тем базовое расхождение в отношении к действительности никуда не исчезло: мне по-прежнему не близко то, как и зачем методологи «конструируют реальность» (зачастую просто насилуя ее). Я стараюсь относиться к ней более бережно, скорее изучая и наблюдая ее, чем активно модифицируя, изменяя и строя.

В этом у меня давний спор со сторонниками проектного (управленческого) отношения к социуму – «искусственниками», как я их называю. Вообще разделение на «искусственников» (считающих, что изменить можно все, весь вопрос в имеющихся средствах, в том числе интеллектуальных) и «естественников» (считающих, что возможно только более или менее аккуратное следование естественному ходу вещей и истории) старо как мир. В разные времена преобладают то первые (и тогда жди революций и реформ), то вторые (и тогда с большой вероятностью приходит застой и стагнация). Понятно, что гармония – в должном сочетании того и другого. Но нормальному физтеху,

который относится к каждой жизненной проблеме как к очередной задачке, которую он, конечно, не может не решить, ближе первый (инженерный, проектный) подход. Поэтому с некоторых пор некоторые мои институтские соотечественники, ставшие своего рода социальными мичуринцами и реформаторами, оказались для меня в рядах откровенных оппонентов. Если на сайте одной из ведущих команд, исповедующих методологический подход в консалтинге, долгое время висела реклама «консультируем рейдерство», то я не могу считать эту команду близкой мне по духу, даже если она объясняла такое «странное» рыночное позиционирование интеллектуальной интересностью задачи (типичный «физтехизм» - главное, задача интересная, а как эта «бомба» грохнет где-то по тысячам людей, уже не столь важно). Возможно, я что-то преувеличиваю, и весьма односторонне воспринимаю методологическое движение (которое, конечно, очень разнообразно), но мои претензии по поводу принципиального отсутствия этического в проектной методологической практике я даже решился высказать публично на последней (2007) школе в Светлогорске. За что, кстати, был приписан Петром Щедровицким к «идеологическим противникам».

Вот здесь не могу не возвратиться к юбиляру.

При всем принципиальном отношении к идеологическим разногласиям Петр, как мне кажется, может разделять идеологическое и профессиональное. И, думаю, он может сотрудничать и даже сотрудничает со своими идеологическими оппонентами, если считает их профессионалами в какой-то специальной области. Для иных методологов идеологические (ценностные, «вкусовые») барьеры порой не позволяют осуществлять настоящему профессиональному взаимодействию. И не позволяют отнестись к чужому мнению, диссонирующему с его личным, спокойно и по-деловому. Парадокс, но в этом случае эмоциональное легко затмевает рациональное у людей, которые вроде бы ставят «рацио» превыше всего.

По этому поводу другой важный случай из истории моего общения с методологическим сообществом. На одной из семейных игр в августе 2000 г. в Алуште я позволил себе «дружеский социологический шарж» на само методологическое сообщество. Сделал некую «зарисовку с натуры», выстроив линию эволюции «Ме-движения». Изначально, рассказывал я «краткий курс», это был нормальный научный кружок, постепенно он приобрел все классические черты религиозной секты со своим гуру, апостолами, каноническими текстами, ритуалами, особым языком, непонятным неспосвященным и т.п.. А сейчас, вывел я заключение, сообщество проходит третий этап: из «секты» оно превращается в этакое массовое движение интеллектуального бодибилдинга, когда важно не содержание мысли, а ее красота, т.е. эстетика интеллекта. Значимым становится что-то вроде «*До чего ж красиво завернул!*» и отблеск этих «мозговых трицепсов» в восхищенных глазах «методологических девушек»... На меня тогда многие из объектов шаржа здорово обиделись. Кроме Петра. Он этот шарж воспринял совершенно адекватно, с юмором. А через полгода по заказу одного из обиженных мы провели пилотное социологическое исследование методологического сообщества, состоявшее из 40 интервью с разными его представителями, от ветеранов вроде Бориса Грушина до совсем еще молодых «новообращенных». К очередным научным чтениям 2001 г. памяти Георгия Петровича сделали короткий отчет (к сожалению, в полном объеме результаты так опубликовать и не удалось). Выяснилось, что почти половина опрошенных из самого сообщества по большому счету солидарна с идентификацией движения как полурелигиозной школы. Вообще, даже в таком небольшом экспериментальном исследовательском проекте оказалось очень много любопытного для рефлексии сообщества, но, к сожалению, предложенный нами полноценный проект исследования «Самовосприятие методологического сообщества» осуществлен не был.

А по поводу интеллектуального фитнеса, в жанр которого все больше дрейфуют методологические школы, и по поводу «методологических девушек», многие из членов «секты» без всяких обид впоследствии соглашались.

О характерном для некоторых представителей Ме-сообщества предпочтении эстетического в ущерб рациональному свидетельствует и еще одна моя коллизия с «методологами». Сделали мы небольшой проект (очень простой и незамысловатый опрос) по просьбе старого приятеля Х и получили от него крайне негативную оценку работы. Для пущей убедительности тезиса о нашей «халтуре» (я все никак не мог понять, что в таком простом исследовании за 2000 долларов можно неправильно сделать?) мне было сказано о некоем альтернативном продукте по тому же поводу написанному, но обладающему гораздо большей привлекательностью и интересностью для клиента. Это был вызов, к которому я не мог не отнестись серьезно. Мы быстро навели справки, «достали» таки и продукт и его автора (даешь бенчмаркинг!), нашли в продукте три серьезные методические ошибки и ряд необоснованных тезисов, и даже, в конце концов, получили согласие автора, что он действительно «вот здесь и здесь не правомочно сделал смелые выводы». Но это уже не имело никакой силы, ибо необоснованные выводы нашего молодого коллеги были красивыми и интересными для клиента, а наши – пусть и верными, но простыми и бесхитростными, а потому ничего не стоящими. Интеллектуальный культуризм победил практическую целесообразность.

А вот, Петр, насколько я имею право судить, исходя из своей практики, относитесь к прикладному исследовательскому продукту сугубо прагматично. Являясь внимательным читателем социологических текстов, он все-таки не позволяет себе «раскрашивать» первичные данные смелыми красками умозаключений, если материал не дает оснований этого делать.

Кажется, Петр склонен прислушиваться к мнению других, в т.ч. представителей «другого круга», как бы это не выглядело внешне обратным. Хотя в целом для очень многих членов Ме-сообщества, это совсем не характерно.

Еще на ранних стадиях своей «дружбы» с Методологией, я осторожно и с опаской намекал некоторым корифеям, что негоже проводить игры (тренинги, ситанализы и пр.) только на базе собственного понимания действительности (пусть и довольно глубокого и/или оригинального) и умозрительных построений других участников мозговых сессий. А методологи очень часто самодостаточны, им по большому счету не нужны «достижения других наук» и разные «исследовательские данные», они «сами вам все покажут» (цит.), расскажут и дадут рецепт, что с этим делать. Кстати, я даже догадываюсь, откуда изначально взялось такое отношение к чужой эмпирической базе. Просто в советское время, когда зарождалась СМД-методология, никакой валидной информации о социальной реальности достать было нельзя, а поэтому была установка на постижение этой реальности исключительно на базе собственных мозгов (плюс мозгов товарищей из ближнего круга), в некотором смысле это было надежнее и честнее. Но сегодня так работать нельзя и не эффективно. Возможно, для жесткого целеориентированного подхода к социальному строительству одного «самоопределения» и четкого понимания «проекта» вполне достаточно. Но для разработки программы эффективного устойчивого развития без знания внешнего контекста (и его возможного сопротивления «проекту») не обойтись. А потому надо активнее включать в методологические разработки материалы предварительной работы т.н. специалистов-предметников. Тогда и игровой креатив будет более обоснованным. На таком подходе, кстати, и происходит реальное сотрудничество социологов и методологов-консультантов, работающих в области социальной инженерии. Так вот, Щедровицкий-младший, думаю, как раз хорошо понимает ограничения «методологии» и не стесняется (в отличие от многих своих Ме-коллег) позаимствовать интеллектуальное сырье с чужого профессионального огорода, будь то огород экономистов, социологов или демографов. Совсем недавно я услышал от Петра фразу,

которую вообще полагал невозможно услышать из уст праведного «методолога»: «Я НЕ знаю, что они [работники некоторых предприятий] думают, а очень хочу знать». До этого времени в основном встречались «методологи», рефлекслирующие за всех и знающие обо всем.

В заключение хотел бы сказать еще об одном важном качестве Петра (уж даже не знаю, сочиняю ли я сейчас его образ и качества, или на самом деле воспроизвожу из наблюдений, но, кажется, что это есть): понимание сыновьего долга и долга перед сообществом. По всей видимости, Петр лично вполне уже мог бы обойтись и без методологии и без сообщества. Но он тянет это воз (как сказали бы раньше – общественную нагрузку), несмотря ни на что.

Кстати, в упомянутом уже пилотном исследовании 2001 года помимо прочего выяснялось, кто в методологическом сообществе может претендовать на роль лидера (по разным критериям), и, надо сказать, что определенно вперед в тройке сильнейших вышел Петр Щедровицкий, опередив, пусть и ненамного, Сергея Попова и Юрия Громыко.

Думаю, Петр вполне понимает свою роль в сообществе, причем воспринимает ее не просто как лидерство, а как миссию. И выполняет ее по-моему достойно, без обид и капризов, ничего не пытаясь форсировать, но умея вовремя поддержать и удержать всю эту очень непростую человеческую систему. Он не только, отрываясь от своих нынешних атомных проектов, решает практические задачи сообщества – он, похоже, заботится о его целостности и думает о будущем. Не знаю, насколько сейчас это лично ему интересно и нужно. И роль «хранителя наследия» Георгия Петровича (и популяризатора его) он на себя взял всерьез и надолго. Больше, я думаю, она никому бы и не оказалась по плечу.

К сожалению, я мало что могу сказать – в силу своей некомпетентности – о Петре Щедровицком как философе. Наверное, в последние годы он мало что делает в этой своей ипостаси. Но думаю, что время, когда философы (особенно – социальные) в нашем обществе опять станут действительно востребованы, наступит очень скоро. Всегда после эпохи «бури и натиска» наступают периоды некоего успокоения и обдумывания случившегося. Именно тогда общество особенно нуждается в людях, способных осмыслить (выполнить функцию социальной рефлексии) и соединить в неразрывное целое прошлое, настоящее и будущее, дать некие ориентиры. В 90-е годы философы нашему обществу были не сильно нужны: ситуация менялась быстрее, чем ее можно было философски «освоить», ни один мыслитель за такой скоростью перемен угнаться не может. А после революций приходит пора спокойно разобраться в происходящем. Сейчас мы имеем именно такое «замедление истории» практически во всех сферах: бизнес становится рутинным делом, политика заменяется госуправлением, жизнь вроде бы скучнеет... Теперь, как я уже говорил в Светлогорске, национальная «человеческая энергетика», скорее всего, переместится в третий сектор – сектор социокультурного творчества. Не сразу, конечно. Придется пройти еще и период всеобщей апатии, «пофигизма» и прочего «эскапизма» (кто-то уедет в «европы», кто-то уйдет в уют и повседневность, кто-то уйдет в астрал...). Рассказывают, что в некоторых буддистских монастырях неопита сначала ставили в ситуацию (приводили в состояние), когда он терял всяческие жизненные ориентиры (т.е. «освобождал сознание»), а уже потом учителя задавали ему новые смыслы и ориентиры. Так и сейчас: «отформатированное» годами радикальных перемен и двойной «десакрализацией сакрального» наше общество готово к восприятию новых ценностей, новых культурных образцов, новой прикладной философии. Оно буквально ждет, когда новые семена Философии-XXI будут брошены в почву, лягут на «чистый лист», если угодно.

В этом смысле миссия Петра Щедровицкого как хранителя идей его отца и лидера методологического сообщества особенно важна. И он сам это прекрасно понимает. Ме-сообщество, которое сегодня иногда кажется «чемоданом без ручки» и «клубом любителей воспоминаний», еще обязательно выстрелит. Повторюсь, что в целом к

методологам как к «профессиональным рефлексунам» я отношусь довольно критично. Но не могу не признать: в определенные моменты жизни и отдельного человека, и целого общества такая качественная и профессиональная рефлексия жизненно необходима. И те игры, в которые играют методологи, вдруг оказываются нужны всем.

Я думаю (и надеюсь), что сил (и интеллектуальных, и душевных) у Петра хватит еще на очень и очень многое. И уверен, что в большинстве своих проектов он наверняка добьется успеха.

На ближайшие 50 лет...

... Любое сообщество так или иначе нуждается в модераторах, координаторах, лидерах, пастырях и т.п. А для Ме-сообщества это особенно важно, ведь оно существенно междисциплинарно и не может поддерживать свою интеграцию только на основе профессиональной идентичности. Члены Ме-сообщества работают в очень разных областях человеческой деятельности - образование, экономика, атомная энергетика - да практически везде. Что объединяет этих людей? Могут ли обеспечивать единство сообщества только особый стиль мышления и проектный подход, которые считаются важнейшими атрибутами «методологичности»? Вряд ли. Вот тут и возникает потребность в лидерах, которые выполняют роль «стержня» сообщества, объединяя его членов и удерживая единство (связность), задают «высоту планки», являясь культурным образцом для остальных и особенно для неофитов, персонифицируют собой нормы и ценности сообщества. Уверен, Петр вполне осознает этот свой долг. Желаю ему успешного выполнения именно этого высокого предназначения.

Кроме того, я хочу пожелать ему полноценной творческой реализации. Причем не в виде организационного творчества, которым он сейчас занимается (хотя реформирование такой отрасли, как атомная, - безусловно, творческий процесс). Но очень хочется пожелать ему возможности самореализации в другой сфере, сугубо интеллектуальной. Лично мне очень хотелось бы, чтобы он обратил свой взор не только на философию мышления, но и на социальную философию. Мне были бы крайне интересны его труды на этом поприще, хоть я и подозреваю, что по многим позициям наши мнения могут разойтись.

Социологи испытывают сейчас серьезный дефицит теоретизирования на основе огромного эмпирического материала, которого накопились уже целые терриконы. Обычно на основе обобщений создаются теории среднего уровня, затем – высшего. Сейчас процесс оказался прерванным: есть много эмпирики, никак не включенной в теорию, есть теоретические концепты верхнего уровня, которые эмпирику напрочь игнорируют. Связи между этими уровнями познания нет. И нужен человек, который бы этот разрыв преодолел.

Впрочем, конечно, ему самому решать – к нему это обращение или нет. Я лишь надеюсь, что столь важная для меня сфера интеллектуального производства ему когда-нибудь окажется не менее интересной, чем все прочие, в которых он уже имел возможность блестяще себя проявить.

Успехов, Петр!

Москва, июль 2008 г.

(в подготовке текста использовано интервью, данное Екатерине Добрыниной)